

(объяснить, как звуки различают высказывания) неверна и должна быть заменена другой: объяснить, как произносятся высказывания (стр. 310), т. е. именно той задачей, которую ставит перед собой генеративная фонология. Решение этой последней задачи исчерпывающе описывало бы речевую деятельность человека единственно в том случае, если бы правила восприятия речи автоматически выводились из правил порождения речи. Думается, однако, что в полном объеме это переально¹³.

¹³ Отвергая действительно примитивный подход к восприятию, согласно которому анализ осуществляется лишь последовательным использованием чисто фонетической информации, Постал взамен не предлагает ничего, кроме общих и

в заключение заметим, что, если не считать формализма, то основные вопросы, дебатлируемые в книге Постала и вообще в мировой фонологии последних лет, давно уже были предметом оживленного обсуждения в отечественной науке. Нетрудно видеть, что многие положения генеративной фонологии исключительно близки постулатам Московской фонологической школы. Представляется, впрочем, что в ряде отношений московские фонологи более «лингвистичны».

В. Б. Касевич

расплывчатых высказываний (см. например, стр. 37, примеч.). Не лучше обстоит дело и в других генеративных трудах (см. например, N. Chomsky, M. Halle, *The sound pattern of English*, New York, 1968, стр. 24).

J. W. R. Lindemann. *Old English preverbal ge-: its meaning*.—Charlottesville, The University Press of Virginia, 1970. 71 стр.

Проблема видо-временной системы в древних германских языках уже около двух столетий привлекает пристальное внимание научно-лингвистической мысли. И это вполне понятно, ибо указанный вопрос находится как бы на перекрестке наиболее сложных и важных проблем общего языкознания, типологии и сравнительной грамматики германских и индоевропейских языков. Недаром лучшие умы языковедческой науки (Я. Гримм, К. Бругман, Л. Влумфилд, А. Мейе, Б. Трика, В. Штрайтберг и др.) неоднократно обращались к этому вопросу, представляющему непреходящий интерес и поныне. Достаточно напомнить, что этот вопрос обсуждался на IX Международном конгрессе лингвистов в США. Проблемы вида/времени в германских языках в конце XIX в. явились предметом величайших научных заблуждений и целого ряда догматических построений. Именно здесь, как ни в одном другом вопросе, было наглядно продемонстрировано, к чему может привести произвольность и предвзятость в науке: какая-то часть фактов, рассматриваемая с определенной априори известной точки зрения, внешне выглядит вполне убедительно (ср. классическую концепцию В. Штрайтберга о видовом значении префиксированных глаголов, особенно с «семантически опустошенным» префиксом *ga-* в готском языке и об уподоблении германской «видовой системы» славянской), тогда как другая часть фактов (или даже те же самые факты!) используется для доказательства противоположных точек зрения (ср. концепцию А. Бэра о так называемом «стилистическом» значении «опустошен-

ных» глагольных префиксов в германских языках или концепцию Ф. Шерера об использовании глагольных Komposita при определенной последовательности времен в предложении или вне такой последовательности — так называемое «комбинированное» или «изолированное» употребление; с другой стороны, Ф. Шерер считает, что сама по себе морфология глагольных форм не выражает видового значения).

Литература по вопросу о видо-временной системе в германских языках с каждым годом увеличивается. Однако, как это ни странно, до сих пор профилирующей точкой зрения среди большинства языковедов продолжает оставаться давно опровергнутая и устаревшая концепция В. Штрайтберга. Интересно, что сторонники этой теории настолько фанатично отстаивают свою концепцию, что пытаются во что бы то ни стало «объяснить» все случаи, не укладывающиеся в прокрустово ложе их догмы [так, Берихардт «объясняет» перевод греч. *καρπάζει* (Mt. XXVII, 52) готским бесприставочным глаголом *ligan* (а не приставочным, как это следовало ожидать, в свете традиционной теории) аллитерацией со словом *leika*, используемом в том же стихе!]. Эта концепция приводится в качестве канонической даже в недавно изданной в Советском Союзе фундаментальной многотомной «Сравнительной грамматике германских языков» (М., 1966, т. IV).

К сожалению, обилие специальной литературы и ее постоянное пополнение никак не возмещает отсутствие объективного и всестороннего исследования, необходимость которого давно назрела. Имен-

но это обстоятельство заставляет весьма критически и осторожно относиться к новым выходящим исследованиям проблемы вида/времени в германских языках, в большинстве своем не оправдывающих возлагаемых на них надежд¹.

Рецензируемая монография профессора Виргинского Политехнического института и Государственного Университета в Виргинии (США) Дж. В. Р. Линдемана (ныне покойного) состоит из двух глав. В первой главе (стр. 1—18), воспроизводящей ранее опубликованную статью того же автора², делается попытка критически рассмотреть некоторые наиболее распространенные концепции функционирования глагольных префиксов (особенно *ga*, *ge*, *gi*) в германских языках (семантическая «опустошенность» значения префикса *ge*-; использование этого префикса для «интенсификации» действия и для перевода непереходного глагола в результативный переходный; использование *ge*- для придания глаголу значения завершенности или выражения перфективного вида).

Вторая глава монографии Дж. Линдемана посвящена самостоятельному исследованию первоначального лексического значения префикса *ge*- на материале шести диалектных изводов (*collations*) древнеанглийского евангелия от Матвея (в издании В. Скита), сопоставляемых с соответствующим латинским оригиналом. Кроме того, для сравнения привлекается материал некоторых других древнегерманских языков. Исследование это, как отмечается в подзаголовке II главы, производится на основе «эмпирических допущений и лингвистических фактов» (стр. 19).

В первой главе рецензируемой книги, отличающейся обилием рассмотренной литературы и остротой полемики, Дж. Линдеман справедливо отвергает теорию В. Штрайтберга, приводя при этом довольно значительный фактический материал (стр. 11—18), который, по его мнению, призван показать ошибочность этой весьма прочно укоренившейся догмы. Необходимо отметить прежде всего, что в работе Дж. Линдемана не выдвигается каких-либо определенных методических принципов анализа фактического материала и даже не ставится вопрос о необходи-

мости разработки таких принципов, хотя именно от этого в сущности зависят результаты исследования.

В практической части работы Дж. Линдемана эклектически соединяются несколько методологических установок, давно используемых как сторонниками теории В. Штрайтберга, так и ее противниками. Сюда относится в первую очередь субъективное толкование видového значения глагола на основе контекста. При этом контекст понимается как имманентная универсальная «метасущность», стоящая как бы над исторической спецификой того или иного языка и приложимая к любому новому или древнему языку.

В этой связи весьма уместно вспомнить предупреждения Н. Э. Коллинджа о том, что при синтаксических исследованиях древних текстов весьма опасно слишком доверять своему языковому чутью («*Sprachgefühl*»). Н. Э. Коллиндж пишет: «... in the interpretative process of relating text to context it is usually hard, and often impossible, to know the situation in which the text was uttered. The linguistic context which is available conceals the absence of situational context, which is not»³.

В качестве примера толкований Дж. Линдемана приведем следующий (стр. 11):

«Matt 12, 46:

C. *ƿa stod his moder and his gebroðra ƿær-ūta*

L. *Heonu moder his and broðero stondas I gestodon ecce: lat. mater eius et fratres stabant foris*

Lenz (p. 48), „bestehen“; Lorz (p. 36) „beistehen“

Уч. «Stoden without forth». Линдеман толкует: «Therefore not „stopped“, but „continued to stand“».

Вполне понятно, что то или иное толкование или перевод этого места у Ленца, Лорца и Виклифа никак не предвещает вопрос о видовом значении глагола *standan* в древнеанглийском. Кроме того, не исключено, что в различных изводах одно и то же место было неодинаково истолковано в стилистическом и семантическом планах. С другой стороны, Дж. Линдеман, к сожалению, не обращает внимания на вариативность *stondas — gestodon* в Линдисфарнском евангелии (впрочем одна

¹ Ср., например: F. A. Raven, Phasenaktionsarten im Althochdeutschen, «Zeitschrift für deutsches Altertum», 92, 3, 1963; M. L. Samuels, The *ge*-prefix in the Old English gloss to the Lindisfarne Gospels, «Transactions of the Philological Society», London, 1949. Исключение составляет работа: A. Joly, *Ge*-préfixe lexical en vieil anglais, «Canadian journal of linguistics», XII, 1967.

² J. W. R. Lindeman, Old English preverbal *ge*-: a re-examination of some current doctrines, JEGPh, LXIV, 1965.

³ См.: N. E. Collinge, Some reflections on comparative historical syntax, в его кн.: «Collectanea linguistica», The Hague — Paris, 1970, стр. 105. Показательно, что Дж. Линдеман в своей книге поднимает на щит весьма слабую в теоретическом отношении статью Л. Р. Лимарь «К вопросу о роли глагольных приставок в связи с видовым значением глаголов» («Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», М., 1963, стр. 159 и сл.), целиком основанную на толковании древнеанглийского материала.

из этих форм может быть более поздней привакии глоссатора).

«Matt. 2, 23 (стр. 11—12).

C. he com þa and eardode on þære ceastre L. Cuom *gebyde* in ceastra: лат. *ueniens habitait in ciuitate*»

Линдеман интерпретирует: «Not „took up his residence“, or „established himself“ or „settled“, but „abode“ there. Hesse (p. 15) „verbleiben“, Wuth (p. 62) „verharren, verweilen“».

Дж. Линдеман не только использует толкование по контексту, но и соотносит изучаемые им древнеанглийские глагольные формы с соответствующими формами латинского оригинала. Так, по его подсчетам, в древнеанглийском варианте евангелия от Матвея (Дж. Линдеман почему-то не указывает, в каком именно изводе этого евангелия) в 16% всех случаев др.-англ. претерит переводит латинский перфект, в 15% всех случаев др.-англ. претерит переводит латинский плюсквамперфект, в 20% случаев др.-англ. настоящее время индикатива переводит латинское будущее время. В остальных случаях, по наблюдениям Дж. Линдемана, и перфективное, и имперфективное значение в изучаемом евангелии выражается бесприставочным глаголом. Вряд ли следует доказывать, что грамматическое значение той или иной древнеанглийской глагольной формы не стоит ни в какой зависимости от соответствующей формы латинского оригинала — это видно уже из приведенных выше очень кратких данных самого Дж. Линдемана, об этом же говорят и факты готского перевода Библии, где самые разнообразные греческие глагольные формы (аорист, перфект, имперфект) могут соответствовать как приставочным (с *ga-*), так и бесприставочным глаголам⁴. Что же касается статистических данных, то особенно в отношении древних языков, зафиксированных только в определенных текстах, такое исследование вряд ли может всегда служить адекватным отражением реальных языковых фактов.

Отметим, что в работе Дж. Линдемана не делается каких-либо разграничений между категориями вида и аспекта, которые в свою очередь никак не соотносятся с грамматическим временем⁵; видовой же категории в древнегерманских языках рассматривается Дж. Линдеманом только на материале глагольной префиксации при полном игнорировании дру-

гих средств перфективации и имперфективации, наметившихся в древних германских языках, в частности так называемых *expanded forms*, *Perfektiva Simplicia*, *Nichtperfektivbare Durativa* и др. глаголов⁶.

На стр. 21 Дж. Линдеман, опровергая теорию В. Штрайтберга, указывает на то обстоятельство, что в древнеанглийских евангелиях сложные глаголы с *ge-* могли употребляться после *onginnan* (Mt XI, 7; Mt XI, 1, Mk V, 18, Lk XIV, 30 в ливдисфарнских евангелиях, Lk XIX, 37, Mk XIII, 4 и др. в узсекских евангелиях). Укажем в связи с этим, что еще в 1957 г. автор этих строк указал на возможность употребления глаголов с *ge-* после *duginnan* в древнеанглийском, приведя при этом обширный фактический материал⁷.

Основная концепция Дж. Линдемана относительно значения префикса *ge-* в древнеанглийском изложена во второй главе рецензируемой книги (стр. 19—66), где она документирована обширным фактическим материалом (стр. 39—62). Суть этой концепции сводится к следующему: древнеанглийский префикс *ge-*, как и и.-е. **gho*, рефлексом которого он является, имел чисто лексическое значение, а именно пространственное значение движения, и соответствовал латинским превербам *ad-*, *in-*, *ex-*, немецким *an-*, *zu-*, *hin-*, *hinweg-*, *auf-*, *be-*. Дж. Линдеман ссылается при этом на высказывания таких ученых, как Гримм, Потт, Кун, Хойслер, Бругман, Альман, Кёстлер и др. (он категорически отвергает первоначальное собирательное значение этого префикса, постулируемое В. Штрайтбергом). Так, он приводит мнение Куна о том, что древнеанглийский префикс *ge-* в свое время имел аналог в древнеисландском, сохранившийся в слове *öblíkr*, где он выступал в значении направленности. Автор приводит цитату из работы малоизвестного нидерландского ученого эпохи Ренессанса И. ван Горпа (Бекания), который в своем сочинении «*Hermathena*» (Антверпен, 1580) писал: «*Hinc sit ut Ge aliquando pro Ad Latino-rum usurpemus: ut si quis dicat Ge Louen/ides ad Louanium vel Louanium versus*». «*Ge idem est quod Latinus dicit versus sive ad*». Дж. Линдеман приводит также высказывание Х. Педерсена о другом рефлексе и.-е. **gho*, а именно об армянском *z*: «*Ebenso bezeichnet z den weg einer bewegung*».

Каким же образом Дж. Линдеман чисто лингвистически доказывает «пространственное» значение древнеанглийского

⁴ Ср.: М. М. Маковский, К проблеме вида в готском языке, «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», XIX, 1959, стр. 79 и сл.

⁵ F. G. Banta, Tense and aspect in the Middle High German of Berthold von Regensburg, JEGPh, LIX, 1960; A. R. Venham, The expression of result in Old English prose, doctoral dissertation, Yale University, 1905.

⁶ Ср.: G. Nickel, Die expanded form im Altenglischen, Neumünster, 1966.

⁷ См.: М. М. Маковский, О значении конструкции «глагол быть + причастие I» в нортумбрийских глоссах, «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», XI, 1957.

глагольного префикса *ge-*? Он приводит 136 сопоставлений древнеанглийских глаголов с *ge-* в уэссекском, рашвортском и линдисфарнском изводах евангелия от Матвея, а также соответствующие места из среднеанглийского, древневерхненемецкого, исландского, готского.

Например: ср. Mt. 8, 17 лат. *accepit* — др.-англ. *C. He onfeng ure untrumnessa*. R. *onfeng*. L. *genom*. T. *inphing*. K. *benamen*. I. *uppa sig tekite*. G. *usnam*.

Линдеман толкует: «Took on».

Mt 26, 2 лат. *tradetur* — др.-англ. *C. wite ge þ . . . mannes bearn bið gesald*. R. *biðsald*. L. *gesald bið*; T. *giselit*; K. *averghelvert*; I. *overseliant*. G. *atgibida* (*ahinüberggeben*).

Линдеман толкует: «Despite the participial construction, not just „will be given“, but „will be given over!“».

Mt 14, 32, лат. *cessavit* — др.-англ. *C. geswac*; L. *geblann*; T. *bilan*; Th. *vor gink*; I. *fyrdi*.

Линдеман толкует: «The wind „moved away“, not „stopped“» (стр. 51).

Стр. 49: Mt 5, 28 лат. *viderit* — др.-англ. *C. aelc þæra þe wif gesyhð*. R. *gesihð*. L. *gesis*. I. *littr til*.

Линдеман толкует: «Here an excellent example of the difference between *seon* and *geseon* — Luther: „ansieht“, A.V. „Looketh on“».

На стр. 64 Дж. Линдеман приводит интересный пример: «Mt. 25, 5 (Lind): *gesplepeden alle and geslepdon* (лат. *dormitaverunt omnes et dormierunt*), который он толкует в смысле «they fell asleep and they continued sleeping». Свое толкование он «подкрепляет» современным нижненемецким переводом этого места: «Un daröwer *slapt se wede to* („and on that they fell asleep again“)... un so *slapt se beid bet morgens to* („and so the two continue to sleep until dawn“»).

Уже приведенные примеры не оставляют сомнения в том, что основным методом анализа Дж. Линдемана является все то же субъективное, произвольное толкование текста в угоду заранее известной догме, которым так злоупотреблял В. Штрайтберг: в отличие от последнего, Дж. Линдеман бескомпромиссно толкует древнеанглийский глагольный префикс *ge-* в пространственном лексическом значении, тогда как В. Штрайтберг с меньшей фанатичностью толковал готский префикс *ga-* в перфектном значении и считал его синтаксическим показателем. В этой связи странным парадоксом выглядит эпиграф ко второй главе книги Дж. Линдемана, почерпнутый им у Витгенштейна: «Denk nicht. Schau!»

Необходимо отметить, что наличие в других изводах английской Библии или в переводах Библии на другие языки глаголов с пространственными префиксами, соответствующих др.-англ. *ge-*, естественно, ничего не доказывает относительно за-

кономерностей в древнеанглийском (особенно, когда в пределах одного и того же стиха Библии на разных языках мы имеем дело с разными глаголами) Дж. Линдеман явно не учитывает различный хронологический статус сопоставляемых им текстов, а также различные принципы перевода этих текстов и неодинаковые закономерности соответствующих языков (в некоторых из них префикс *ge-* вообще отсутствовал)⁸.

В каждом из этих случаев переводчики могли вполне сообщать неодинаковый смысл (как пространственный, так и непространственный) одним и тем же глаголам, стоящим в рассматриваемом стихе евангелия. Бесприставочные глаголы могли быть равнозначны глаголам с пространственными префиксами⁹. Специальные исследования, посвященные сопоставлению древнегерманских приставочных глаголов с греческими и латинскими соответствиями в оригинале показали, что изучаемый префикс лишь в меньшинстве случаев соответствует приставочным глаголам оригинала. Такое соответствие скорее всего было обусловлено калькированием, а также принципом рекуррентности¹⁰.

Кстати, В. Штрайтберг в своем анализе делал основную ставку именно на так называемые «отклонения от оригинала», т. е. на случаи, когда бесприставочные глаголы в оригинале соответствуют приставочным (особенно с *ga-*) в переводе. Метод этот по целому ряду причин не всегда оказывается неуязвимым¹¹ (в частности, одна и та же форма оригинала нередко передается разными формами перевода, а одна и та же форма перевода соответствует различным формам оригинала).

Результаты работы Дж. Линдемана еще раз настойчиво подчеркивают необходимость дальнейших исследований затронутого вопроса на основе объективного и беспристрастного подхода к фактам языка.

М. М. Маковский

⁸ Ср.: A. R. Watkins, The function of the verbal prefix *ge-* in late Middle High German as exemplified in «Die Erlösung», doctoral dissertation, Stanford University, 1949.

⁹ Ср.: М. М. Маковский, О лексическом выражении видовой дихотомии в германских языках, ФН, 1967, 3.

¹⁰ Ср.: A. L. Rice, Gothic prepositional compounds in their relation to their Greek originals, Philadelphia, 1932; J. R. Hendrikson, Old English prepositional compounds in relationship to their Latin originals, Philadelphia, 1948; H. Rosen, Old High German prepositional compounds in relation to their Latin originals, Philadelphia, 1934.

¹¹ Ср.: М. М. Маковский, Об определении автохтонности синтаксических моделей при анализе «отклонений от оригинала» ВЯ, 1961, 1.